

ЗЕРКАЛА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бронзовые зеркала, являясь частой находкой в пьяноборских погребениях, на сегодняшний день изучены недостаточно. Причина кроется в характере их использования местным населением. В большинстве своем зеркала использовались в качестве украшений костюма – нагрудных блях, наконечников пояса, а также во вторичных изделиях – из зеркал рубили подвески, резали бляшки (рис. 1, 7, 8) и застёжки-бляхи (рис. 1, 4). В большинстве своем исследователи классифицируют инвентарь именно по указанным категориям, обращая внимание, однако, на их «зеркальное прошлое» [Агеев Б.Б. 1992. С.36-37].

Классификации зеркал посвящена многочисленная литература. А.М. Хазанов, в преамбуле к работе показал, насколько устарела классификация П. Рау [Хазанов А.М. 1963. С.58], А.С. Скрипкин указывал на аналогичные ошибки, допущенные А.М. Хазановым [Скрипкин А.С. 1990. С.88-89]. Наиболее полной является классификация последнего, который учел недостатки типологии только по одному ведущему признаку и предложил свою, корреляционную – на основании сочетания формы ручек и диска [Скрипкин А.С. 1990. С.91-93]. Мы будем придерживаться классификации А.С. Скрипкина.

Бронзовые зеркала и определяемые фрагменты обнаружены более чем в 100 погребениях в количестве от 1 до 6 экземпляров, а также на поселениях. Все они относятся к пяти типам. Большинство вторичных изделий (подвесок трапециевидной и треугольной формы, бляшек) просто не поддаются идентификации. Однако благодаря особенностям оформления некоторые предметы можно определить.

Зеркала с плоским (или слабовыпуклым) диском без ручки (рис. 1, 3) относятся к типу 1.0. Их диаметр от 7,1 до 11,6 см (преобладает 8,0–9,2 см). Найдены на Афонинском, Ныгрындинских, Чегандинском, Кушулевском III, Сасыкульском, Пьяноборском, Тарасовском, Старочекмакском, Шидалинском могильниках. По мнению большинства исследователей, зеркала этого типа распространены у сарматов в I в. до н.э. – I в. н.э. Большинство из них датируется I в. н.э., вероятнее всего, первой его половиной [Хазанов А.М. 1963. С. 64. Литвинский Б.А. 1978. С. 88. Скрипкин А.С. 1990. С.153, рис. 44. Марченко И.И. 1996. С.20. Глухов А.А. 2003. С.90-91]. По-видимому, к этому времени относятся и зеркала типа 1.0 в пьяноборских погребениях.

Из погребения 1115 Тарасовского могильника происходит зеркало, вероятно, относящееся к типу 1.1 – с отверстиями для крепления ручки – превращенное в игольчатую застёжку. По-видимому, зеркало такого же типа превращено в бляшку в погребении 1108 Тарасовского могильника (рис. 1, 8).

Зеркала с плоским диском и плоской клиновидной ручкой (рис. 1, 2) относятся к типу 1.6. Количество их незначительно. Вполне возможно, что часть нагрудных блях имели раньше ручку, впоследствии отрезанную. По мнению А.С. Скрипкина, зеркала этого типа – возрожденная форма савроматских зеркал, но происходят они из комплексов I – начала II в. н.э. [Скрипкин А.С. 1990. С.153].

Только два зеркала относятся к типу 6.10, варианту 1 – с боковой ручкой-петелькой, бортиком и конической выпуклостью (рис. 1, 5). А.М. Хазанов относил их к типу 9, датировав I – концом III в. н.э. [Хазанов А.М. 1963. С.65-67]. До новой эры в сарматских памятниках они неизвестны. По мнению других исследователей, датируется этот тип второй половиной I – началом III в. н.э. [Абрамова М.П. 1971. С.129. Скрипкин А.С. 1990. С.153. Глухов А.А. 2003. С.93-94]. Одно, целое, использовано в качестве наконечника пояса в погребении 96 Камышлытамакского могильника (рис. 1, 5). Фрагмент еще одного зеркала происходит из погребения 203 Ныгрындинского II могильника (рис. 1, 6).

Формально зеркала типа 6.11 – с валиком по краю, петелькой и рельефным ячеистым орнаментом с обратной стороны – в пьяноборских памятниках не найдены. Но с городища Чеганда происходят сразу две литейные формы для отливки подобных зеркал, одна целая, другая – в обломках [Генинг В.Ф. 1967, табл. 4, 1, 2]. А.М. Хазанов отнес такие зеркала к типу 10 и датировал II–IV вв. н.э. [Хазанов А.М. 1963. С.65], однако они встречаются вплоть до середины IX в. [Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981, рис. 37, 62]. В Приуралье зеркала такого типа распространились с

конца V (?) в. [Сунгатов Ф.А. 1998], а скорее, в VI в. (погребения 75 и 81 Бирского могильника и турбаслинские захоронения) [Мажитов Н.А. 1968, табл. 10, 5,6; Сунгатов Ф.А. 1998. С.62-63].

Редко встречаются зеркала с орнаментом – концентрическими окружностями и лепестковой розеткой (рис. 1, 1). А.С. Скрипкиным зеркало с шестилепестковой розеткой, по наличию бортика и массивной клиновидной ручки, отнесено к типу 4.7 [Скрипкин А.С. 1990. С.85]. А.А. Глуховым зеркало с таким орнаментом отнесено к типу 6.1 [Глухов А.А. 2003, рис. 1], Б.А. Литвинским – к отделу II, типу 1 и датировано II–III вв. н.э. [Литвинский Б.А. 1978. С.87, 89]. К сожалению, далеко не во всех случаях предметы в публикации нарисованы с орнаментированной стороны. Мне известны целые экземпляры таких зеркал из Старочекмакского (рис.1, 1), Кипчаковского, Красноярского, Кушулевского III, Пьяноборского могильников. Определимые фрагменты их во вторичных изделиях найдены на Кушулевских II (рис. 1, 7) и III могильниках.

Одно, полностью сохранившееся, происходит из погребения 25 Красноярского могильника (МДСИКВМ, №1546/258) [Казанцева О.А. 2004, рис.27, 1]. Край плоского (слегка выпуклого) диска диаметром 11,5 см имеет неровность с одной стороны, это наталкивает на мысль о том, что ранее оно имело ручку, впоследствии отрезанную. Вероятно, зеркало относилось к типу 1, варианты (по форме ручки) 2, 4, 6, 8, возможно, к 4 или 6. Отнесение их к типу 1.6 подтверждается находкой целого зеркала с таким орнаментом в погребении 70 Охлебининского могильника кара-абызской культуры [Пшеничнюк А.Х. 1968, рис. 9, 5].

Зеркала полной сохранности найдены в погребениях 29 Старочекмакского, 11 Кипчаковского, 154, 247 Кушулевского 3, Пьяноборского могильников. Они представляют собой слегка выпуклый диск с орнаментом в виде трех концентрических окружностей и шестилепестковой розеткой в центре. Вторичные изделия (бляшки) с лепестковым орнаментом найдены в могилах 10 Кушулевского 2 и 270 Кушулевского 3 могильников.

Зеркала с кружковым орнаментом найдены в погребениях 53, 143, 180 (целые) и 172 (фрагмент) Кушулевского 3 могильника.

Во всех случаях диск зеркала плоский, слегка выпуклый, и относиться они могут только к первому типу, по аналогии с кара-абызскими, вероятно, к варианту 6.

Необходимо остановиться на функции зеркал в пьяноборском обществе. Прежде всего, следует отметить, что зеркала использовались не по прямому назначению. Традиционное место таких зеркал в костюме – нагрудные бляхи в количестве от одной до трех и поясные украшения – до шести штук. Причем в этом качестве они являются одной из характернейших особенностей пьяноборской культуры и специфических особенностей костюма ее носителей.

Бронзовые бляхи появились в костюме прикамского населения еще в ананьинскую эпоху. А.Х. Халиков помещал их на одежде типа рубахи [Халиков А.Х. 1962, рис. 34]. По мнению А.В. Збруевой, крупные бронзовые бляхи, часто находимые в захоронениях, в области груди, пришивались к нагрудникам [Збруева А.В. 1952. С.77, 82-83].

По мнению В.Ф. Генинга, чаще всего одежда украшалась одной бляхой-зеркалом. В этом случае бляха прикреплялась в середине груди; несколько реже встречаются две симметрично расположенные бляхи [Генинг В.Ф. 1970. С.163-164]. В.Ф. Генинг подметил одну важную деталь – крупные нагрудные бляхи часто лежат на костях рук. Подобное смещение возможно в случае, если украшение находилось на верхней одежде [Генинг В.Ф. 1970. С.144].

Зеркала являются одним из наиболее характерных украшений костюма населения кара-абызской культуры, причем очень многие экземпляры орнаментированы розеткой и окружностями. Большинство использовано в качестве украшений женских поясов (от одного до трех экземпляров). Согласно описанию, большинство из них имело ручку [Пшеничнюк А.Х. 1973. С.182]. По рисункам их можно определить как тип 1.6 [Пшеничнюк А.Х. 1968, рис. 9, 5]. По данным на 1973 г., зеркал типа 1.6 (с розеткой) – 13 экз. [Пшеничнюк А.Х. 1973. С.182-183]. Всего же на памятниках кара-абызской культуры найдены зеркала трех типов: 1.0 [Пшеничнюк А.Х. 1968, рис. 9, 1. 1976, рис. 24, 1,6,8. 1993, рис. 7, 17; 15, 11; 18, 10; 19, 16], 1.6 [Пшеничнюк А.Х. 1964, рис. 2, 11. 1968, рис. 9, 2-5. 1976, рис. 24, 7; 1993, рис. 9, 9, 13, 16-26, 27], 4.0(1,5,7) [Пшеничнюк А.Х. 1964, рис. 2, 2. 1976, рис. 17, 5].

В погребениях Нырғындынских могильников плоские зеркала служили украшениями поясных наборов в количестве от 4 до 6 штук.

В погребении 53 Кушулевого III могильника найден полный поясной набор. Пояс имеет украшения только спереди. На правой стороне таза крючком влево лежит эполетообразная застежка, от ее основания идут два ряда бусин. Крючок застежки входил в отверстие, пробитое с краю большой бронзовой бляхи из зеркала. С другой стороны за такое же отверстие бляха крепилась к ремню. За бляхой располагались три восьмеркообразных накладок, от бляхи вниз свисали две конусовидные подвески со вздутиями. Слева, вдоль ноги, до колена, свисала поясная привеска из 36 прямоугольных накладок, заканчивающаяся тремя пронизками.

Другой особенностью использования зеркал в costume прикамского населения является их преднамеренная порча – разрезание и разрубание на фрагменты треугольной, трапециевидной формы. В этом качестве они использовались в качестве подвесок, входя в состав головного убора, ожерелий, фибул, украшений рукавов верхней одежды. Определить эти подвески как зеркала позволяет состав металла. Не проводя специальных исследований, можно отметить, что бляхи, сделанные местными мастерами, сильно окислены, патинизированы до зеленого и синего цвета. Изделия же из привозного металла сохраняют белый, серый, темно-желтый цвет.

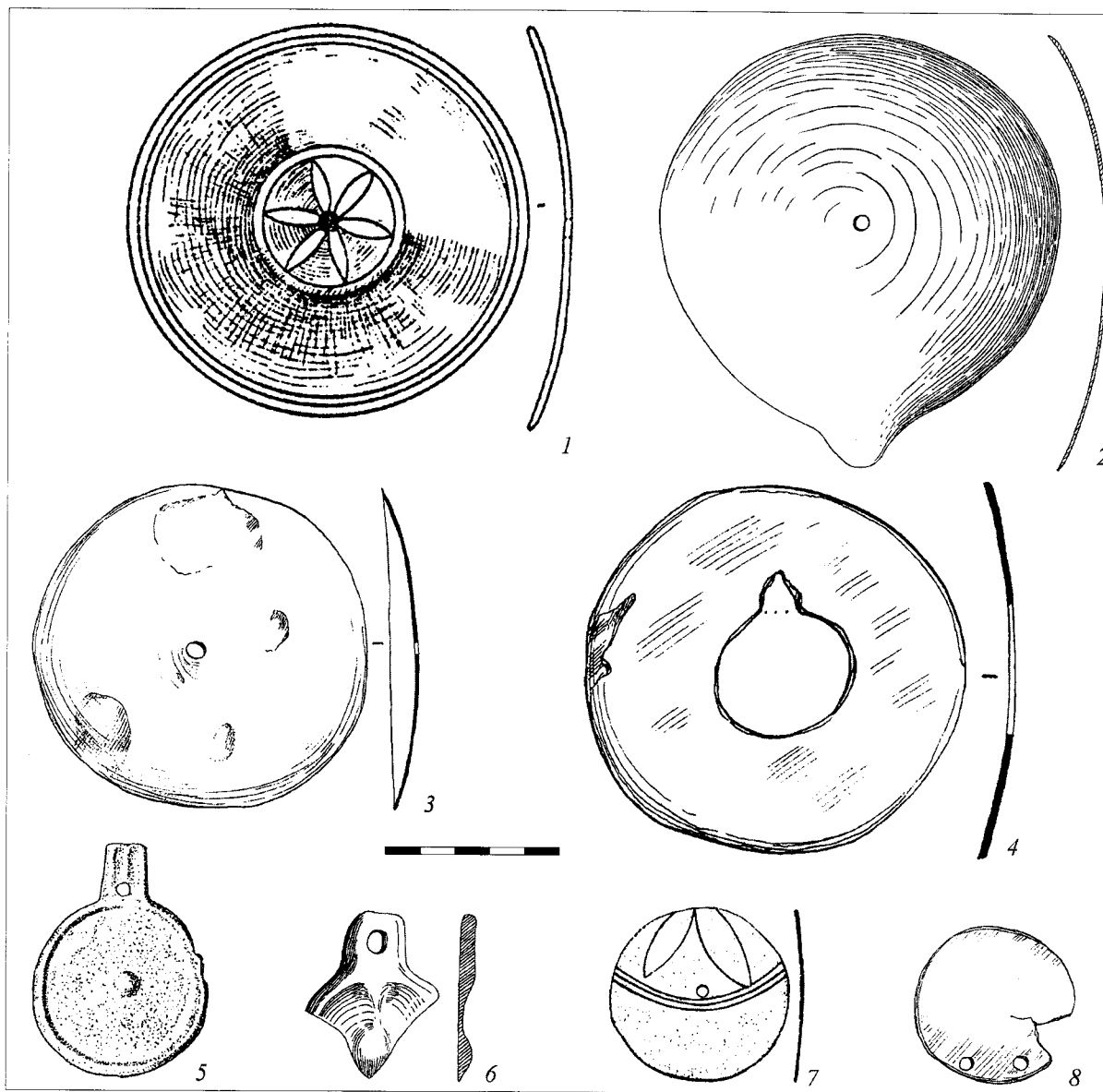

Рис. 1. Зеркала пьяноборской культуры: 1 – Старый Чекмак, погр. 29 (Археологические памятники Восточного Закамья. 1989, рис. 8, 1); 2 – Нырғында II, погр. 204; 3, 8 – Тарасово, погр. 1108 (Голдина Р.Д. 2003, табл. 448, 3, 5); 4 – Тарасово, погр. 1640 (там же, табл. 602, 12-7); 5 – Камышлытамак, погр. 98 (Мажитов Н.А., Пшеничник А.Х. 1968, рис. 3, 25); 6 – Нырғында II, погр. 203; 7 – Кушулево II, погр. 9 (Васюткин С.М. 1982, табл. 5, 29)

Другой вариант использования фрагментов зеркал местным населением – изготовление из них бляшек. В данном случае определить, местный предмет или привозной, сложнее. Однозначным можно считать случаи сохранения во вторичных изделиях особенностей декора оригиналов (рис. 1, 7, 8).

Надо заметить, что, в отличие от других привозных предметов, зеркала, в большинстве своем, не являются хронологическим репером в пьяноборских памятниках. Прежде всего, это связано с использованием прикамским населением наиболее распространенных типов. Кроме того, как верно отмечено Б.А. Литвинским, фрагменты зеркал (все вторичные изделия) могли использоваться еще одно-два столетия после прекращения их производства [Литвинский Б.А. 1987. С.104]. Исключением из общего правила являются зеркала типа 6.10. Их находки дополнительно подтверждают, что комплексы данных погребений нельзя датировать ранее I в. н.э.

Находки зеркал позволяют взглянуть на торговые связи лесного и степного населения. В том, что основным торговым направлением прикамского населения вплоть до середины II тыс. н.э. оставалось южное, сомневаться не приходится. Однако контакты имели разную интенсивность. Зеркала являются типичной находкой на памятниках пьяноборской и кара-абызской культуры. Причем на территории, занятой пьяноборским населением, зеркала распространены, в основном, на памятниках вдоль по течению Ика либо напротив его устья. Можно предположить, что торговые пути пролегали вниз по течению р. Белой и Ика. И, соответственно, предметы поступали по Ику – к пьяноборскому, а по Белой – к кара-абызскому населению. Этим отчасти объясняются различия типов зеркал. Так, только на кара-абызских памятниках известны зеркала с валиком и длинной ручкой (типы 4.5, 4.7) [Пшеничнюк А.Х. 1976, рис. 17, 5].

Интересная деталь выявляется, если взглянуть на зеркала в исторической перспективе. Появляясь в Прикамье в I в. н.э., зеркала продолжают бытовать приблизительно до середины III в. н.э. В материалах мазунинской культуры (середина III – середина VI вв. н.э.) их нет. После чего в Прикамье они появляются вновь в поздних погребениях Бирского могильника (там же найдены и наиболее поздние экземпляры зеркал типа 1.0(?)), турбаслинских и неволинских памятниках. Этот факт может объясняться сбоем в системе традиционных торговых связей, явившихся следствием нестабильности в степи во второй половине III в. н.э., и их возобновлением уже после утверждения политического господства новых групп кочевников I Тюркского каганата.

Литература:

- Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С. 121-132.
- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии (препринт). – Уфа, 1985.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. – Уфа, 1986. – С. 75-94.
- Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань, 1989.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях в Каракулинском р-не УАССР в 1975 г. (Отчет о раскопках Нырындинского I могильника в 1975 г.). – Архив ИА РАН. – Р-1., № 5666
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета 1976 г. – Архив ИА РАН. – Р-1., № 6239, 6239а
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. – Уфа, 1986. – С. 95-122.
- Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа, 1982. – С. 125-144.
- Генинг В.Ф. Материалы археологической экспедиции в с. Чеганда Каракулинского р-на УАССР (городище Чеганда I, могильник Ныргында II) 1954-1956 гг., т.1. – НОА УИИЯЛ РФ. – Оп. 2-Н., д.143.
- Генинг В.Ф. Отчет о раскопках могильника Ныргында II. Д.Ныргында, Каракулинский р-н, УАССР / Отчет об археологических исследованиях УАЭ в 1954 г. – Архив ИА РАН. – Р-1., № 963
- Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках могильника Ныргында I. Пристань Барановская Каракулинского р-на УАССР. Правый берег р.Камы / Отчет об археологических исследованиях УАЭ в 1954 г. – Архив ИА РАН. – Р-1., № 963
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э.–II в. н.э. // ВАУ. – Ижевск-Свердловск, 1970. – Вып. 10, часть I.

- Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ.– Свердловск, 1967.– Вып. 7.– С. 141-163.
- Генинг В.Ф., Одинцов В.А. Отчет о раскопках могильник Ныргында II / Отчет об археологических исследованиях на правом берегу р. Камы в пределах УАССР (зона Нижнекамского водохранилища), произведенных в 1968 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 3741.
- Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ в 1969 г., т.2.– Архив ПНИАЛ УрГУ.– Ф.П., д.75а/1969.
- Глухов А.А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // НАВ.– 2003.– Вып. 6.– С. 89-102.
- Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Нырындынского I могильника в 1971 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 4459
- Голдина Р.Д. Раскопки Нырындынского I могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ летом 1970 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 4098.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме.– Ижевск, 2003.– Т.2, иллюстрации.
- Голдина Р.Д., Чистякова М.Н. Отчет о раскопках Нырғындынского I могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ в 1969 г., т.1.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 4129.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы по истории Урала и Приуралья. Т.V. // МИА.– М.-Л., 1952.– №30.
- Зубов С.Э. Отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском р-не РБ в 1992 г.: открытый лист № 515 от 29 июля 1992 г., форма № 4.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 18549.
- Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского р-на Пермской области.– Ижевск, 2004.
- Калинин В.К. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1977 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 7104, 7104а.
- Калинин В.К. Отчет об археологических раскопках Ново-Сасыкульского могильника в БАССР в 1979 г. – Архив ИА РАН.– Р-1., № 7646, 7646а.
- Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях проведенных летом 1977 г. в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 6572.
- Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1979 г. в Каракулинском р-не УАССР.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 7873.
- Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР летом 1980 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 8113.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии) // Могильники Западной Ферганы.– М., 1978.– Вып. IV.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура.– М., 1968.
- Мажитов Н.А., Пишеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ.– Уфа, 1968.– Т.3.– С.33-59.
- Марченко И.И. Сираки Кубани.– Краснодар, 1996.
- Пишеничнюк А.Х. Охлебнинский могильник // АЭБ.– Уфа, 1968.– Т.3.– С.59-104.
- Пишеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ.– Уфа, 1973.– Т. 5.– С.162-243.
- Пишеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала.– Уфа, 1976.– С. 35-131.
- Пишеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала.– Уфа, 1993.– С.32-61.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект.– Саратов, 1990.
- Стицын А.А. Пьяноборский могильник // МАР.– 1901.– № 25.– С.1-7, табл. 1-4.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20-ти т. – М., 1981.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура.– Уфа, 1998.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА.– 1963.– № 4.– С.58-71.
- Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. МАЭ.– Йошкар-Ола, 1962.– Т.2.– С.7-187.
- Ютина Т.К. Отчет о раскопках Афонинского могильника в Сарапульском р-не УАССР и разведочных работах в Свечинском и Уржумском р-нах Кировской области, проведенных в 1978 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 7118.
- Ютина Т.К. Отчет о раскопках Щенниковского поселения в Свечинском р-не Кировской области, Афонинского могильника в Сарапульском р-не УАССР, разведочных работах в Шабалинском р-не Кировской области, проведенных в 1979 г.– Архив ИА РАН.– Р-1., № 7744.

ББК 20.1
УДК 504:574

Печатается по решению ученого совета Свердловского областного краеведческого музея.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. Викторова В.Д. (ИИиА УрО РАН);
Клементьева Т.Ю. (СОКМ);
к.и.н. Морозов В.М. (УрГУ) – отв. редактор;
Панина С.Н. (СОКМ) – отв. за выпуск;
к.и.н. Чемякин Ю.П. (УрГУ).

ISBN 5-94544-023-X

Елизавета Берсова – Сборник научных статей / Свердловский областной краеведческий музей. – Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2006. – 232 с.

В сборнике посвященном 100-летию Елизаветы Михайловны Берс и 105-летию Александра Андреевича Берса, представлены статьи ученых Перми, Нижнего Тагила, Ижевска, Челябинска, Гатчина, Петербурга, Москвы, Сургута, посвященные истории археологии, проблемам изучения археологических памятников и культур Большого Урала, применения естественноисторических методов и мультимедийных технологий в археологии и музейном деле.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов в области археологии, культурологии, истории, музееведения.

ББК 20.1
УДК 504:574

ISBN 5-94544-023-X

© Свердловский областной краеведческий музей, 2006
© ООО «Издательство КВАДРАТ», оригинал-макет, 2006